ISSN 0869-267X

РУССКАЯ МЫСЛЬ

№ 1-12

Москва

«Общественная польза»

2016

МОЯ РОДИНА. РЕКА КЛЯЗЬМА

Константин Колесов

Клязьма – одна из замечательных рек Средне-Русской возвышенности.

Именно по Клязьме в 1155 г. Святой князь Андрей Боголюбский приплыл из Киева во Владимир, чтобы именно на Клязьме утвердить Владимир столицей Ростово-Суздальского княжества, которое стало сильнейшим на Руси и выступило в качество ядра современного Российского государства.

Река Клязьма была перекрёстком важнейших древних водных дорог, связывающих между собой через систему волоков Киев, Чернигов, Смоленск, Рязань, Москву, Владимир, Тверь и Великий Новгород.

Поэтому поход к истокам реки Клязьмы – это не только посещение выдающегося памятника природы, но и путешествие к истокам родной истории.

Исток реки Клязьма

Клязьма начинается около деревни Кочергино из маленького пруда в чаще, образованной невысокими холмами.

Попасть на исток своей реки хотелось давно, тем более что этот исток, благодаря географическому справочнику, представлялся весьма конкретным: *«окрестности села Кочергино Солнечногорского района Московской области»*. Карта показывала, что Клязьма начинается на одной из «вершин» Клинско-Дмитровской гряды. Вершины безымянной, но, по сравнению с нашей Мещерской равниной, весьма существенной – 282 метра над уровнем моря. Шло время, и постепенно я стал понимать, что уже так часто думаю об истоке Клязьмы, что просто обязан найти его и увидеть своими глазами.

Журнал «Русская Мысль», 2016, № 1-12, стр. 111

Первый взгляд на реку вызвал просто умиление. Она предстала замечательно крохотной (всего три метра шириной), густо заросшей лесом и потому тенистой, а главное – с такой чистой и вкусной водой! И ещё – она текла по камушкам, как настоящая горная река. Даже с перекатами.

Дальше предстояло идти лесом вдоль русла реки. Перед этим я мысленно простил своим землякам их незнание того злополучного вопроса об истоке. Неожиданно выяснилось, что местные жители тоже никогда не слышали о нём и даже называют речку просто «родничком» или «источником». Правда, это были всё больше дачники, без тени смущения отсылавшие меня к тем, кто жил здесь ещё до войны. Но всё равно стало как-то грустно: забраться так далеко, стоять почти у истока, а о нём и даже о реке никто здесь и не слышал.

Бог помог и свёл с добрым человеком, – заместителем директора лагеря Юрием Николаевичем. Оказалось, что он ходил с детьми по реке, но до её верховьев они шли около шести (!) часов, а слабая тропинка держится лишь первые сотни метров. Далее начинается девственный лес. Прямо возле лагеря река разливалась метров на двести. Здесь второй год живёт семья бобров. Это они сделали плотину и валят к воде растущие по склонам осины. А у самого берега возвышалась куча из толстых осиновых веток – хатка бобров.

Лес оказался действительно первозданным, едва проходимым и похожим на сибирскую тайгу. За весь путь я не встретил ни одного признака человеческого присутствия, кроме старой пластмассовой бутылки в начале своей дороги. Никаких кострищ, окурков, пеньков и прочей гадости не было и в помине. Зато через каждые десять шагов поперёк дороги лежали огромные и ощетинившиеся торчащими ветками деревья. А там, где было по-сырее, на страже леса стояли двухметровые заросли крапивы. Кроме того, берег, по которому я шёл, представлял собой очень крутой склон. Вершина, обозначенная на карте, давала о себе знать: река текла по дну очень глубокого, крутого и поросшего лесом оврага.

Уже через полчаса стало понятно, что я не иду, а продираюсь; и если придётся возвращаться, то своего следа ни за что не найти. Но вернуться было никак нельзя – слишком дорогая награда ожидала впереди. Вообще-то лес был замечательным, хвойно-широколиственным. Его верхний ярус образовывали могучие ели, дубы, липы, осины и берёзы, а под ними густо переплетались кустарниковые заросли орешника, клёна, бересклета, бузины. Даже в полдень солнце едва проникало под полог леса; и было так темно, что фотоаппарат всегда давал вспышку при съёмке.

Я шёл уже больше часа, а Клязьма и не собиралась суживаться. Она была всё такой же тихой и весело бегущей на стремнинках. Время от времени я спускался к воде напиться и ополоснуться от иголок и листьев, которые щедро сыпались на голову и за ворот рубашки. И река утешала без слов, позволяла опуститься перед ней на колени, опустить голову в маленький омуток. А омутки были, так же как и перекатики и стремнинки. Брошенная в воду травинка проплыла один метр за 4 секунды, то есть скорость реки составляет здесь, примерно, девятьсот метров в час. Учитывая засуху нынешнего года, это совсем немало. Вода в реке была очень холодной и казалась совсем безжизненной. В ней не было ни мальков рыб, ни насекомых, ни даже моллюсков.

Как-то странно было думать о Клязьме применительно к той крохотной речушке, что текла под ногами. Но река – не человек. Это мы видим себя на детских фотографиях и знаем, что уже никогда не будем такими. А реку можно увидеть «ребёнком».

Вот так, обдираясь о сухие ветки, обжигаясь крапивой и освежаясь в реке, я потихоньку шёл к истоку Клязьмы. Шёл, постепенно понимая, что так и должно было быть. Слава Богу, что к истоку своей родной реки нельзя подъехать на машине, что она подпускает к себе только потрудившегося!

Наконец, склон стал выравниваться, и впереди показалось небольшое, метров двадцать в длину озерко, заросшее растениями и похожее на васнецовский прудик с Алёнушкой. У своего верхнего берега озерцо переходило в сырое болотце, сплошь покрытое ковром незабудок. Множество голубых глазков смотрели из него на меня и как бы

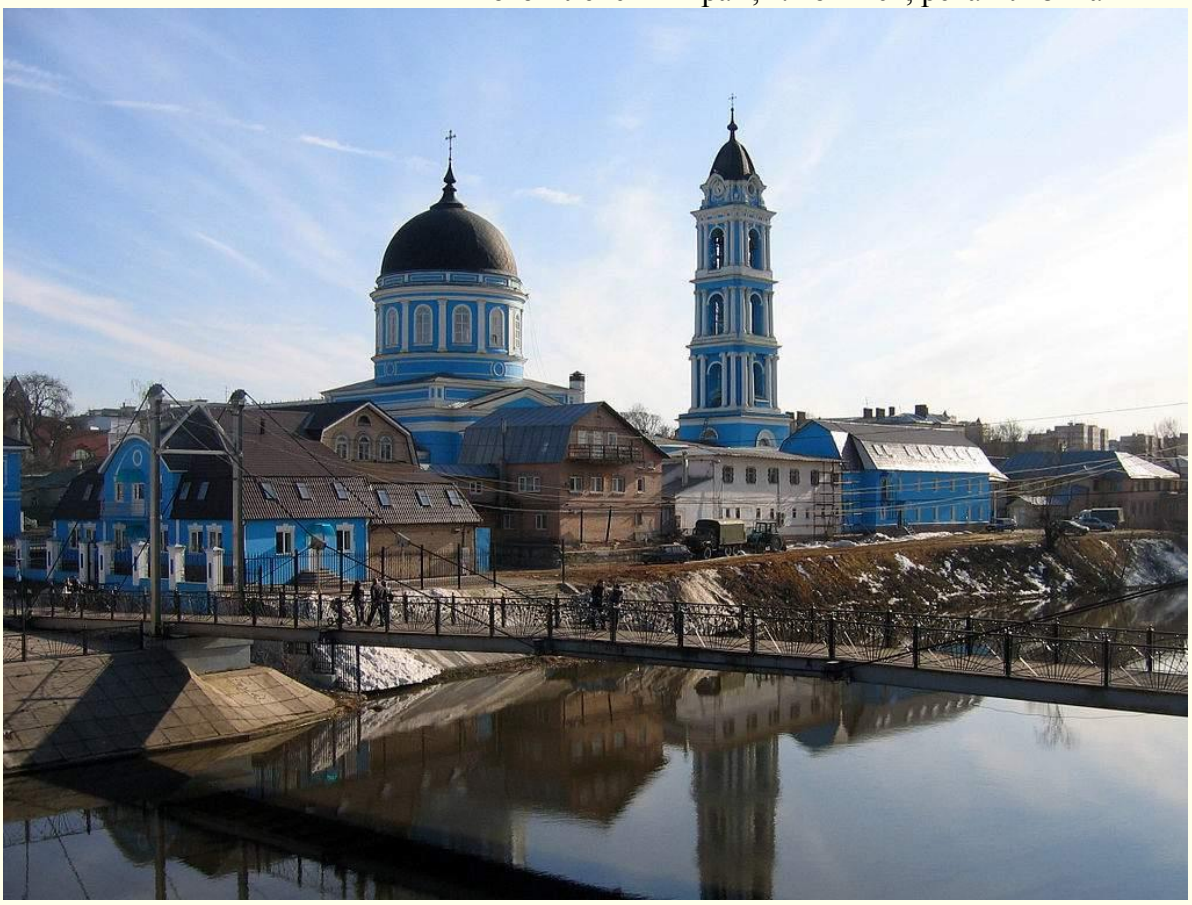
говорили: «Не забывай нас, помни!». Из незабудок выходил крохотный ручеёк, через пять шагов заканчивающийся ключиком. Прямо из-под земли, из давно устроенной кем-то трубочки текла чистая и холодная вода. Родник! Слово, однокоренное с Родиной, родителями, родными, природой...

Стоя у родника и напившись его воды, я вдруг вспомнил, что не взял ничего, чем путешественники отмечают памятные места. Не было даже монетки. Оставалось как в песне – опустить в воду свои ладони. Но Бог вразумил и на этот раз: я просто снял с шеи крестик и сделал им крест в воде. А уходя, от всех нас, живущих на Клязьме, почистил дно лужицы перед родничком. Неподалёку оказались ещё роднички, бьющие прямо со дна Клязьмы. К ним шла тропа; и окрестные дачники брали клязьминскую воду для питья. Выше ключей воды не было. Русло примерно в метр шириной было без воды. Здесь на вершине горы река выходила на луг и издалека выдавала себя лентой зелёных кустов вдоль берегов. Пройдясь по сухому руслу через луг, я оказался перед высокой насыпью новой дороги. Из-под насыпи на меня «смотрели» отверстия двух больших труб. С другой стороны дороги был пруд. Из него и должна была питаться Клязьма. Но в нынешнюю жару пруд был таким мелким, что уровень воды стал намного ниже труб и русло от пруда до ключей совершенно высохло.

река Клязьма, Мещера

Оказалось, что у Клязьмы целых два источника питания. Весной и в дождливый год она истекает из пруда, а если тот подсыхает, река рождается километром ниже, от родников. И чтобы ни случилось, бежит клязьминская водица в неизведанные дали. Я привёз домой бутылку воды из рождающего Клязьму родника. Угостил друзей, а остаток вылил уже в нашу, ореховскую Клязьму. Пусть в ней пребудет хоть капля с истока.

Богоявленский храм, г.Ногинск, река Клязьма



Информация про реку Клязьма

Кля́зьма – река в Европейской части России, протекающая по территории города Москвы, Московской, Владимирской, Ивановской и Нижегородской областей, левый приток Оки.

Длина – 686 *км*, площадь бассейна – 42,5 тыс. *км²*. Средний расход воды в 185 *км* от устья, у города Коврова, равняется 139–147 *м³/с*. Питание преимущественно снеговое. Замерзает в ноябре, вскрывается в первой половине апреля.

город Ковров, река Клязьма

Река берёт начало в пределах Московской возвышенности, близ Солнечногорска. От истока течёт на юго-восток, по территории городского округа Химки, а затем по границе Молжаниновского района Москвы, где у села Черкизова круто поворачивает на восток. Берега в верхнем течении Клязьмы высокие, долина узкая. У впадения в Клязьминское водохранилище ширина реки достигает 12 м. Далее протекает через Клязьминское и Пироговское водохранилища, где смешивается с водами Волги. Ниже названных водохранилищ сток Клязьмы регулируется, ширина её у платформы Клязьма железной дороги Москва–Ярославль – около 20 *м*. Течёт в основном по Мещёрской низменности. В пределах Мещёры правый берег реки значительно ниже левого. Ниже устья Тезы по низкому левому берегу начинается Балахнинская низменность, по правому – крутой берег (до 90 метров), относящийся к Гороховецкому отрогу Цнинского вала. Ширина в Ногинске – 50 *м*, во Владимире – 130 *м*. Кое-где Клязьма имеет ширину, превышающую 200 *м*. Максимальная глубина 8 м, преобладает небольшая (1–2 *м*). Местами река прорезает известняковые толщи. Дно глинистое, местами песчаное.

На левом берегу между Ковровом и устьем Тезы расположен Государственный природный заказник «Клязьминский» (до 1978 года здесь были 2 боброво-выхухолевых заказника местного значения: Южский в Ивановской и Ковровский во Владимирской области).

Павловский Посад, река Клязьма

Притоки

Крупнейшие притоки: слева – Уча, Воря, Черноголовка, Шерна, Киржач, Пекша, Колокша, Нерль, Уводь, Теза и Лух; справа – Поля, Судогда и Суворощь (все они, за исключением Тезы, несудоходны).

устье реки Клязьма, река Ока

Впадают реки (км от устья)
14 км: река Суворощь (Суворощ) (пр)
68 км: река Лух (лв)
135 км: река Теза (лв)
151 км: река Шижегда
190 км: река Нерехта
244 км: река Судогда
269 км: река Нерль
285 км: река Рпень
326 км: река Колокша
329 км: ручьи Шаловка
336 км: река Ворша
343 км: ручьи Ундолка (ручей Вороновка)
378 км: река Поля
396 км: река Пекша
416 км: река Берёзка
445 км: река Щитка
459 км: река Киржач
466 км: река Дубна
476 км: река Вырка
481 км: река Дрезна
502 км: река Вохонка

514 км: река Плотня
516 км: река Шерна
524 км: река Загрёбка
526 км: река Черноголовка
540 км: река Шаловка
551 км: река Воря
577 км: река Уча
640 км: река Альба
665 км: река Радомля
671 км: река Чернавка

карта реки Клязьма

История

На берегах реки и всего бассейна издавна селился человек. Археологами раскопаны стоянки древнего человека эпохи палеолита – знаменитая Сунгирь, мезолита – например, у деревни Саурово около Павловского Посада, много неолитических (в том числе у посёлка Большое Буньково Ногинского района – стоянки льяловской и фатьяновской культур), поселения дьяковской культуры. В более поздние времена берега заселяли финно-угорские мещера, меря и мурома (языки именно этих племён дали современные названия множеству притоков реки), найдены и первые в этих местах славянские курганные могильники.

С рекой и её притоками связано развитие всего северо-востока Руси, начиная с Владимиро-Суздальского княжества (XII век). В это время река с притоками использовалась для судоходства на всём своём протяжении, что дало возможность далеко распространить своё влияние, а торговый путь Клязьма – Сходня – Москва, использовавшийся ещё до славянского расселения, развил хозяйственную основу.

Со времён развития промыслов (XVII век) река сконцентрировала множество бумажных, керамических и особенно текстильных производств, сначала ремесленных, а позже фабричных и заводских.

В 1937 году в рамках системы ГУЛАГ завершено строительство канала имени Москвы, верховья Клязьмы были перекрыты Пироговской плотиной, образовавшей Клязьминское водохранилище. Сток через плотины, попутно вырабатывая электроэнергию, стал регулироваться и питаться водами верхней Волги и рек севера Московской области.

В 1941 году было начато и с началом войны остановлено строительство двух ГЭС – под Владимиром и Ковровом. Наследием строительства в месте створа Ковровской станции остаётся Пакинская колония.

В 70-х годах XX века рассматривался проект Восточного судоходного канала.

На реке расположены такие крупные города, как Долгопрудный, Щёлково, Королёв, Лосино-Петровский, Ногинск, Павловский Посад, Орехово-Зуево, Собинка, Владимир, Ковров, Вязники, Гороховец.

Река обеспечивает водой – как многочисленные производства, так и жителей крупных поселений в среднем и нижнем течении.

Судоходна на 267 *км* от устья до Владимира, однако в последние годы гарантированные глубины не поддерживаются. Речной порт в Вязниках, судостроительный завод в Гороховце.

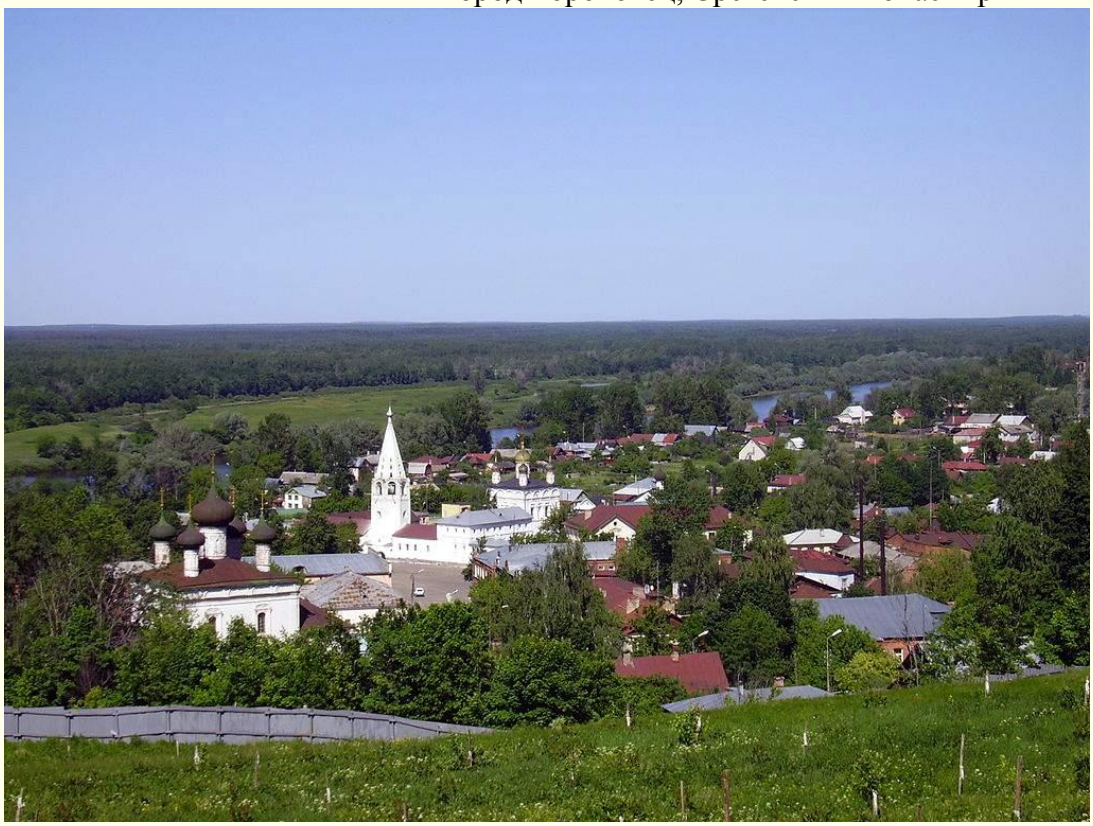
Храм Покров на Нерли, приток Клязьмы

Гидротехнические сооружения, Плотины:

в посёлке Лунёво (Солнечногорский район)
в посёлке Пироговском
в селе Тарасовке
в микрорайоне Новые горки, город Королёв
село Амерово у города Щёлкова
посёлок Свердловский
остатки плотины в городе Лосино-Петровском (у санатория Монино)
в посёлке Обухове
в Ногинске – бетонная плотина высотой около 2,5 метров с шестью регулируемыми водосливами и береговым водосбросом.

Стоки: Очистные сооружения Щёлковской, Обуховской, Ногинской, Павлово-Посадской и Орехово-Зуевской водопроводно-канализационных систем.

город Гороховец, Сретенский монастырь



В Московской области стационарное гидрологическое наблюдение ведут отделения московского центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды:

Комплексный гидрологический пост (включая гидрохимический пункт с двумя створами) в Орехово-Зуеве

Гидрохимический пункт наблюдения в Щёлкове (три створа)

Гидрохимический пункт в Павловском Посаде (два створа)

[править] Мосты

Мост Декабристов (Ногинск)

Захаровский мост (Ногинск)Мост Шереметьевского шоссе

Мост Международного шоссе

Долгопрудненский мост

Акуловский мост

Клязьминский железнодорожный мост

Мост трассы М8

Мост Фряновского шоссе (Щёлково)

Щёлковский мост

Монинский мост

Ельнинский мост

Мост Декабристов (Ногинск)

Захаровский мост (Ногинск)

Железнодорожный мост Ногинского ППЖТ

Мост трассы М7 (Богослово)

Мост Победы (Павловский Посад)

Городковский пешеходный мост (Павловский Посад)

Городковский мост (Павловский Посад)

Электрогорский железнодорожный мост (Павловский Посад)

Подвесной пешеходный мост (Павлово-Посадский район)

Гагаринский пешеходный мост (Орехово-Зуево)
Зуевский мост (Орехово-Зуево)
Старый (отреставрированный) мост (Орехово-Зуево)
Парковский мост (Орехово-Зуево)
Крутовский пешеходный мост (Орехово-Зуево)
Городищенский железнодорожный мост
Мост на дороге Покров – Марково
Мост на дороге Петушки – Крутово
Мост в районе Костерёва (военный объект)
Собинский мост
Железнодорожный мост на линии Владимир – Тумская
Мост на южном обходе Владимира трассы М7 (1998)
Мост имени 850-летия Владимира (1958)
Мост на трассе М7 (Пенкино)
Железнодорожный ковровский мост
Автомобильный ковровский мост
Вязниковский мост
Гороховецкий мост (трасса М7)
Железнодорожный мост (Галицы)

Экология, фауна, растительность

От города Щёлкова до притоков Владимирской области непригодны для употребления в пищу как вода, так и её обитатели, непригодна вода и для купания.

Клязьма сильно загрязнена в своём верхнем течении, но всё же довольно богата рыбой (лещ, язь, подуст, жерех, окунь, щука, плотва, ёрш, налим, пескарь, уклейка, голавль). В наше время в Клязьме почти не встречаются сом и стерлядь, которыми река славилась в XIX и XX веке.

Прибрежная растительность представлена различными видами ив и осоки, частухой, тростником, рогозом, крапивой двудомной, геранью лесной, чередой трёхраздельной, водная растительность – ряской, кувшинкой, кубышкой, элодеей канадской, роголистником, различными видами рдеста.

Река доступна для сплава на байдарках с мая по сентябрь.

город Владимир, река Клязьма

География реки Клязьма

Река Клязьма – самый крупный и полноводный левобережный приток Оки, впадающий в неё на 89,8 километре судового хода близ городка Горбатов (Нижегородская область). Река протекает по территории двух областей – Московской и Владимирской. Географически её естественный исток расположен в Солнечногорском районе Московской области, но фактически, после строительства Канала имени Москвы, река образуется от слияния попусковых вод Клязьменского и Учинского водохранилищ. Устье Клязьмы расположено на границе Владимирской и Нижегородской областей. Длина реки 647 километров, из них почти 290 километров (от Владимира до устья) судоходны. Имеется один судоходный приток – река Теза.

река Клязьма во Владимирской области

Клязьма – типичная равнинная река. Уклон от истока до устья – менее 100 метров. Средний уклон – 0,00016 *м*. Течение в межень спокойное и медленное (0,2–0,3 *м/с* или 0,72–1,08 *км/ч*) на протяжении всего судоходного участка за исключением районов каменных гряд и некоторых перекатов, где скорости потока могут доходить до 10 *км/ч*. Питание – обычное для рек Европейской части страны. Паводок с повышением уровня воды до 6–7 метров бывает в первой декаде апреля. Относительно высокая вода (с глубинами над лимитирующими перекатами до 1,5–2 метров) держится примерно до конца июня, после чего наступает продолжительная летняя межень с кратковременными и весьма незначительными дождевыми паводками. В межень глубины на лимитирующих перекатах держатся в пределах 0,6–0,7 метров. Глубины на плесах колеблются от 1 до 4–5 метров (в среднем, как правило, 1,5–2 метра). Первый кратковременный осенний паводок случается в первых числах октября. К середине месяца обычно начинается устойчивый подъём воды (до 1,5–3 метров над лимитирующими перекатами), прекращающийся перед самым ледоставом.

Первое упоминание о Клязьме-судоходной относится к 1897-му году. Тогда костромской помещик и пароходовладелец Катенин открыл на реке первую пассажирско-грузовую линию, для чего пригнал с Унжи пароход “Посыльный”. Опыт оказался весьма удачным; и в следующую навигацию по Клязьме ходило уже три катенинских судна.

Сельское хозяйство, народные промыслы, лесная и ткацкая промышленность Гороховца, Вязников, Мстеры, Холуя, Шуи, Палеха и Коврова обеспечивали пароходы обильными заказами. Через три года у Катенина на Клязьме появились конкуренты – вязниковский промышленник Николаев и предприниматель с Оки Щербаков. Катенин занялся исключительно грузами, а вот между последними двумя господами развернулась жестокая борьба за пассажиров. Вряд ли кто-то из них слышал в то время про капитализм, но дело своё мужики знали крепко. Не мордобитием друг друга с реки выживали и не взятками губернатору – чётким графиком движения, скоростью, удобством салонов и кают, но главным образом – ценами на билеты. Дошло до анекдотизма. Один цену за проезд снизит, тут же и второй команду приказчику да–т... Народу-то что, он рад веселиться, – подхватил поклажу и айда на соседнюю пристань, где подешевле. Долго пароходчики таким вот макаром друг другу нервы мотали – один терпелив, но и другой не из робких. Наконец, когда Щербаков стал возить пассажиров в Нижний Новгород за 10 копеек, нервы у Николаева не выдержали – почесал бедолага затылок, позвал приказчика и говорит ему: *“Подика-ты, брат, да и отмени вовсе плату на моих пароходах. А чтобы чужаку впредь наука была – укажи отныне и до моего особого распоряжения каждому на борт входящему давать бесплатно булочку сдобную и стакан молока!”*. На следующий день пароходы “конкурирующей фирмы” не вышли в рейс, а затем их владелец и вовсе уш–л искать лучшей доли на Волгу, булочки были отменены, дела в конторе Николаева пошли своим чередом...

вид на Клязьму с горы Венец, город Вязники

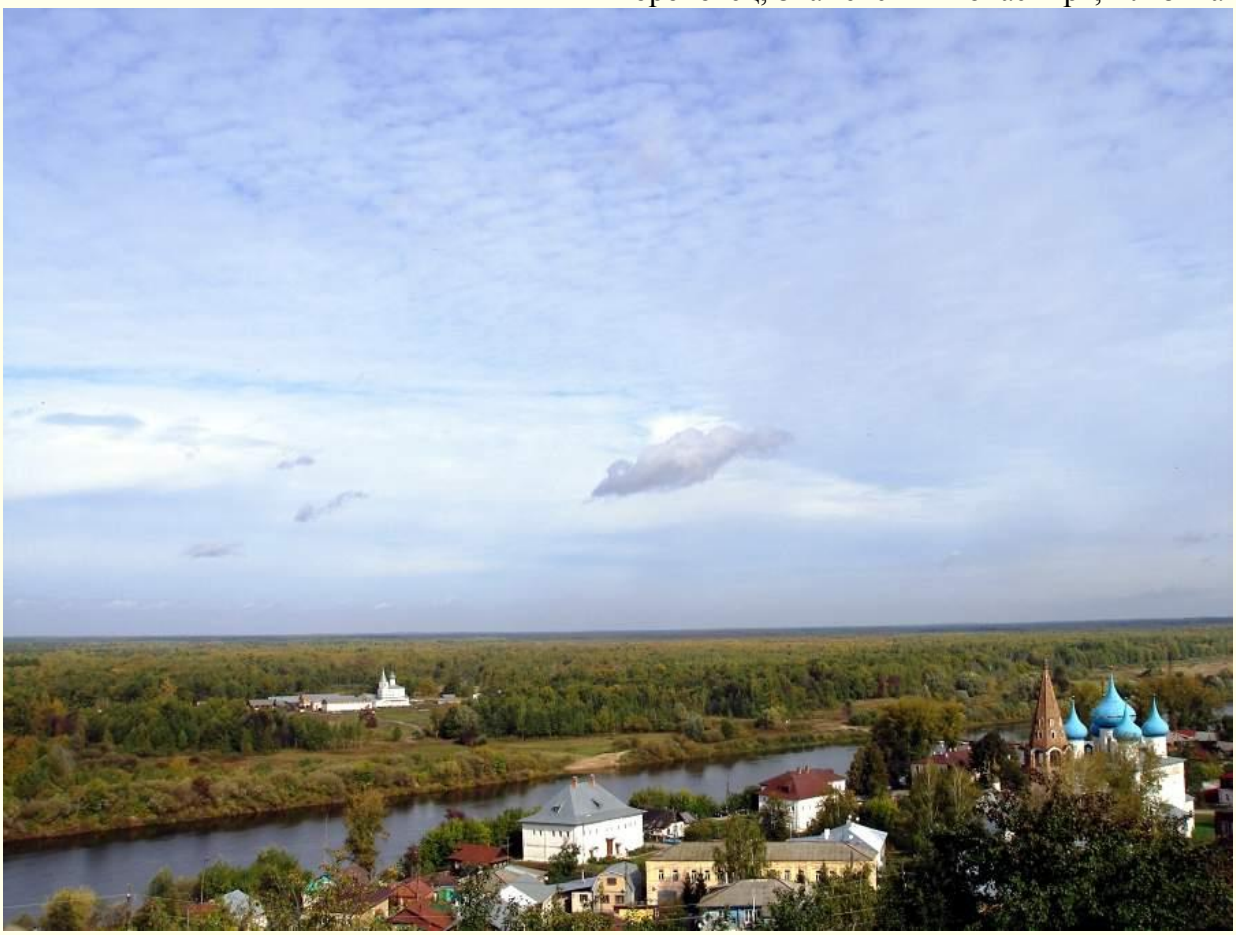
В описываемые времена конечным пунктом пароходных рейсов был город Ковров (180 *км* от устья), да и до него пароходы доходили лишь в мае-июне по высокой воде. Дело в том, что первые клязьменские пароходы имели довольно внушительные для Клязьмы габариты (длина 30–35 *м*, ширина – 5-6 *м*, осадка – от 0,8 *м* порожним до 1,5 *м* в

грузу) и не могли пройти в межень некоторые перекаты перед Ковровом, а в особенности – расположенную за городом выше по течению Нерехтинскую каменную гряду.

Продление регулярного пароходного сообщения до Владимира оказалось возможным лишь в советское время, когда река вошла в состав водных путей Канала имени Москвы. В этот период началось углубление перекатов земснарядами, частично были разобраны некоторые каменные гряды, фарватер огородили освещаемыми (! – сейчас этого нет даже на Оке) бакенами. Об отношении к реке и судоходству по ней в те времена говорит такой, например, факт: даже в самые тяжёлые годы войны клязьминские бакенщики имели “бронь”.

Кстати, перед войной инженерами Канала имени Москвы был разработан проект шлюзования Клязьмы. Если взглянуть на карту, станет ясно, что именно по Клязьме проходит кратчайший водный путь из Москвы в Нижний Новгород. Предполагалось построить на реке пять плотин и огромный затон для отстоя судов в Коврове. Зеки уже приступили к рытью котлованов, но сначала ошибки гидрологов, а потом и война поставили на масштабном проекте жирный крест. Наверное, это и к лучшему – мелковато, зато река осталась такой, какой её видели деды и прадеды.

Гороховец, Знаменский монастырь, Клязьма



Расцвет клязьминского судоходства пришелся на семидесятые – начало восьмидесятых годов. Речники промышляли перевозкой стройматериалов, добычей песка, проводкой на Волгу кораблей, строившихся на Гороховецком судостроительном заводе. Кроме того, действовало несколько местных пассажирских линий.

Центром жизни на реке традиционно оставался город Вязники, где был расположен порт (он и сейчас там находится) и отделение муромского техучастка – клязьминское речное прорабство. Службу бакенщиков к тому времени упразднили – имевшийся в распоряжении прорабства мощный флот позволял обслуживать фарватер экспедиционно.

Судовой ход обозначался береговой (ходовые и перевальные знаки) и плавучей (бакены) обстановкой. Неукоснительно поддерживались гарантированные глубины: г. Владимир – устье реки Тезы – 0,7 *м*; устье Тезы – устье Клязьмы – 1 *м*.

Увы, с наступлением бардака идиллия закончилась. В 1995-м на реке в последний раз выставили бакены. В 1998-м закрыли владимирское отделение вязниковского речного прорабства. За пять лет забытья река успела вернуться к состоянию 100-летней давности. Проявились перекаты, о существовании которых уже мало кто помнил, прихотливо изогнулся фарватер, дубовые коряги заняли под ярами веками насиженные места. Оценивать случившееся можно по-разному. Ходить по Клязьме стало сложнее, зато теперь наш брат-водномоторник на реке безраздельный хозяин, ходит куда вздумается и когда вздумается без риска оказаться проутюженным каким-нибудь шальным буксиром-плотоводом. Заметно чище стала вода. Вряд ли стоит связывать это с сократившимся судоходством, скорее всего “виновата” издохшая промышленность, но, как бы там ни было, и раки появились, и рыбки на уху наловить удочкой – вполне реальное дело.

мост через реку Клязьма, город Владимир

Выбор судна для путешествия по Клязьме зависит от избранных для этого сроков (уровня воды – см. выше). В межень дойти до Владимира без особых проблем (десяток встреч с мелями – не в счёт) можно, имея осадку не более 0,5 (в крайнем случае – 0,6) метров. В дождливые годы меженные уровни на лимитирующих перекатах держатся в районе 0,8–0,9 метров. Соответственно, критическая осадка увеличивается до 0,7 метров. Во всех случаях полезно знание недельного прогноза погоды и уровня воды в районе владимирского водомерного поста. Последний можно выведать в комитете по гидрометеорологии ((0922) 32-30-85, 32-77-94, 32-63-64). Для ориентировки: уровень “минус 127 сантиметров от нуля графика поста” был отмечен в 1997 году и являлся самым низким меженным уровнем в реке за весь период наблюдений (глубины на лимитирующих перекатах – 0,5-0,6 метров). Уровень “минус 90 сантиметров от нуля графика поста” считается нормальным меженным уровнем (глубины на лимитирующих перекатах и грядах – 0,7-0,9 метров). Естественно, указанные уровни для меженного периода являются средними. 2-3-дневные колебания уровня воды возможны в пределах 0,1-0,2 метров.

Судоходство на Клязьме

Клязьму по сложности для судовождения условно можно разделить на три участка (здесь и далее судоходная обстановка будет описываться применительно к меженному периоду):

1) устье - г.Вязники; перекатов мало, глубины над лимитирующими - не менее 0,9-1 метров, опасных каменных гряд нет, минимум утонувших бревен и коряг (в основном под ярами);

2) г.Вязники – г.Ковров; 2–3 лимитирующих переката с глубинами 0,8–0,9 метров, коряги под ярами – как правило, опасных каменных гряд нет, но появляются отдельные одинцы;

3) г.Ковров – г.Владимир; около 6 песчаных лимитирующих перекатов с глубинами до 0,6–0,7 метров, появляются каменные гряды, две из которых (Нерехтинская и Кижановская /Патакинская) считаются самыми серьезными препятствиями на реке, многочисленные одинцы возле берегов, коряги как под ярами, так и в русле.

Последний раз сплошная съёмка судового хода выполнялась на Клязьме в 1981-1982 годах. На основе полученных данных была издана “Схема судовых ходов реки Клязьмы от г.Владимира до устья” – клязьминская лоция. Последняя её корректировка проводилась в 1987 году. Разумеется, за более чем десяток лет река внесла в документ свои коррективы, но за неимением ничего другого он продолжает оставаться для судоводителя наиболее надёжным навигационным пособием. Все перекаты, каменные гряды и др. серьезные препятствия остались на своих местах. Единственное, что изменилось кардинально, так это характер документа – теперь это не пропись, которой нужно бездумно следовать, а книга-предостережение, не схема судовых ходов, а схема потенциальных препятствий и опасностей. Весьма подробная схема, за что и рекомендуема. Отправляясь на Клязьму, не поленитесь распечатать себе бумажный вариант – многих неприятностей избежите. Предлагаемая электронная копия “Схемы судовых ходов...” изготовлена в CorelDraw7 и представляет собой подробную карту реки, оформленную в 90-страничный альбом формата А4. По итогам навигации 1997 года в Схему были внесены незначительные корректировки и упразднена информация о глубинах по судовому ходу (как безнадёжно устаревшая). Сам судовой ход показан условно – ориентироваться по нему не следует.

река Клязьма

Как уже было сказано, устье Клязьмы расположено на 89,8 *км* окского судового хода. Проскочить его трудно. В этом месте русло Оки делится на два рукава, огибая большой остров (“Мещерский”). Один из ориентиров – километровый знак (“90”) на левом берегу судоходной протоки.

200-300-метровый участок Оки после впадения Клязьмы издавна славится рыбным изобилием. Река в этом месте сплошь заставлена разными хитрыми снастями, а берег пестрит рыбацкими станами. Перед заходом в Клязьму у рыбаков всегда можно прикупить свежей рыбки и отпраздновать начало путешествия доброй ушицей.

Переход от устья реки до города Гороховца (38 *км*) сложности для судоводителя не представляет, однако первые 4–5 километров капитану следует быть внимательным – устьевые перекаты на Клязьме описаны ещё 100 лет назад...

Хлебая ушицу с удовлетворением про себя отметьте, что исторические места и разные прочие памятники отныне будут преследовать вас до самого Владимира. На стрелке Клязьмы и Оки, например, в XII веке располагался древний русский город Бережец. До наших времён город не дожил; и судить о его былой истории ныне можно лишь по многочисленным легендам и умозаключениям дотошных краеведов. Вот, к примеру, что пишет о Бережце гороховецкий краевед (а пару лет назад и гороховецкий городской голова) **Николай Андреев**.

“В XII веке одна из волн славянской колонизации, распространявшаяся от устья Нерли (река, левый приток Клязьмы, впадающий в неё на 268 км судового хода близ села Боголюбово – К.К.) вниз по течению реки Клязьмы, достигла места её впадения в Оку. Тесня мирные племена местных финнов и расселяясь между ними, пришельцы из Суздальского ополья расчищали места под пашни, осваивали бортные угодья, охотились и загораживали речки и протоки деревянными заколами. По высокому правому берегу полноводной Клязьмы они поставили свои городки: Стародуб, Ярополч и град Святой Богородицы Гороховец. Впрочем, никто не знает, как назывался Гороховец в то время. Ещё не была заложена во Владимире “Святая Богородица”, к которой он был впоследствии приписан, ещё было далеко до того, когда после опустошения пришельцами с востока к этому городу “прилепится” второе, а может быть, и третье его название. До наших дней дошло только последнее. Но независимо от того, какое было первое, деревянные стены и башни этого города уже в XII веке возвышались на крутом Клязьминском яру, и из-за них наместники великого владимиро-суздальского князя Юрия Долгорукого облагали данью окрестных мирян, обращали их в христианство и зорко стерегли восточные границы княжества от посягательств немирных соседей. За час пути конник мог добраться от города до левого берега Оки, а на другом берегу лежали земли мордовских и мещерских племён данников болгар, с которыми владимиро-суздальские князья вели извечную вражду. Необходимо было держать устье реки, путь по которой приводил прямо в столицу княжества, под постоянным наблюдением. Чем раньше будут замечены неприятельские струги, поворачивающие в Клязьму, или отряды всадников, переправляющихся через Оку, тем больше у Великого князя будет времени на подготовку достойной встречи непрошенных гостей. С этой целью, вероятно, почти одновременно с Гороховцом, на устье Клязьмы возник ещё один, самый восточный в княжестве, город Бережец. Вряд ли он мог серьёзно задержать неприятеля от проникновения вглубь княжества, но дымовой столб, поднимавшийся из него во время нарушения границы, заставлял зажигать сторожевые костры по всему побережью Клязьмы, сигнализируя о надвигающейся опасности.

Вероятно, кроме сторожевых, этот населённый пункт впоследствии был наделён пошлинными и таможенными функциями; и более этого никакой серьёзной роли в княжестве не играл.

Не сумев обзавестись никаким каменным строением, город остался деревянным, и можно только при определённом напряжении фантазии поверить в серьёзность его оборонительных или фортификационных сооружений. В лучшем случае – дубовый частокол и несколько рубленых сторожевых башен. Забегая немного вперёд, следует пояснить, что в актах XV века то, что осталось от Бережца, называется не "городище", а "селище", а это в свою очередь серьёзно подрывает статус Бережца как крепости, то есть укреплённого пункта.

Однако, несмотря на свою незначительность, Бережец всё же сумел оправиться от первых ударов монгольских завоевателей и верно служил интересам Владимиро-Суздальского, а с XIV века – Нижегородского княжества. Затем, примерно с конца XV века, со страниц летописи и актов исчезли даже те скудные упоминания о Бережце как о городе, которые встречались ранее. Исчез и сам город. Что послужило причиной этого? Очередной татарский набег или моровое поветрие, а может быть просто отпала в нём необходимость? Свидетельств не сохранилось. Не сохранилось сведений и о том, когда город прекратил своё существование."

Дойти до Гороховца желательно не позднее трёх-четырёх часов дня. Город связан с левым берегом реки понтонным мостом и позже пройти его скорее всего не удастся. Лучше сразу встать на ночь в районе 30–32 *км* судового хода (далее мест, удобных для стоянки, не будет), а с утречка форсировать мост и отправиться на экскурсию. Гороховец – старинный русский городок с 800-летней историей. Некоторые называют его Суздалем-на-Клязьме и это отчасти справедливо. Гороховец красив, как-то по-особенному мил, благодушен и нетороплив. На подходе к понтонному мосту с реки открывается потрясающий вид – стоящие у самой воды старинные белокаменные дома, монастырь на высоком холме, маковки церквей.

Обязательно загляните в местный музей. Соскучившиеся за годы безвременья по посетителям его сотрудники с радостью проведут для вас персональную экскурсию, покажут город, расскажут и о прошлом, и о настоящем. Мы же вновь обратимся к трудам краеведа **Андреева**. Вот что он пишет о возникновении современного названия города.

"В лето ... взяша Татарове Мордовскую землю и Муром пожгоша и на Клязьме воеваша град святой Богородицы Гороховец пожгоша, а сами идоша в станы своя. Тогда же бе пополох зол по всей земле и сами не ведяху где кто бежаще" – так звучит первое упоминание о Гороховце, дошедшее до нас со страниц летописи, которую в далёком 1377 году, за три года до Куликовской битвы, сделала для великого князя Дмитрия Константиновича группа переписчиков под руководством монаха Владимирского Рождественского монастыря Лаврентия.

Это известие, датированное 6747 (1239) годом, и легло в основу версии о существовании, уже в начале тринадцатого века, во Владимиро-Суздальском княжестве города, который позднее назовут Гороховцем.

Опираясь на эти предположения, Гороховец отпраздновал 750-летие города в 1989 году. Однако при внимательном разборе вышеупомянутой фразы из Лаврентьевской летописи и увязке её содержания с хронологической последовательностью событий, происходивших на территории Владимиро-Суздальского княжества в страшных 1238-1239 годах, возникает ряд вопросов, которые не находят объяснений и требуют дополнительных исследований.

Да и сам смысл этой, казалось бы не подлежащей проверке на предмет объективности, фразы не вполне ясен и может ввести в заблуждение, как это и случилось с владимирскими писателями **С. Лариным** и **С. Никитиным**, истолковавшими её буквально и написавшими в главе "Гороховец" своей книги "Меж лесных берегов" (Ярославль, 1969), что *"...В лето 1239 года его дотла сожгли татары"*. Слова "В лето..." авторами

книги были истолкованы как понятие о времени года, тогда как авторы летописи, безусловно, этими словами обозначали отрезок времени, равный году. Это подтверждается тем, что татаро-монголы предпринимали летние походы только в южных степных и лесостепных местностях. Походы на север, в лесные местности, начинались ими всегда после наступления осенних холодов.

Чтобы уяснить вопросы, заставляющие сомневаться в достоверности фразы, сыгравшей решающую роль в определении древности города Гороховца, необходимо проследить последовательность событий тех горьких лет.

Начиная с 1223 года, когда передовой татаро-монгольский отряд под предводительством полководцев Субедея и Джебе, прорвавшись через "железные ворота" (Дербент) 31 мая на реке Калке разбил объединённые русско-половецкие силы во главе с князем Мстиславом Удалым, татаро-монголы несколько раз подходили к границам русских княжеств, громя половцев, волжских болгар, буртасов, мокшу и мордву;

К 1237 году численность их войск достигала 120–140 тысяч человек, и летом этого года после покорения земель по Средней Волге они подчинили себе области, расположенные по правобережью Оки.

В этот раз, раньше, чем к любым другим русским городам, татаро-монголы подошли к стоящим на границе с мордовскими землями Мурому, Гороховцу и Нижнему Новгороду. В этот раз гораздо ранее других русских городов подверглись они опасности нападения безжалостных завоевателей. Уцелели ли они тогда?

В очерке "Исторические известия о Нижнем Новгороде" известный писатель **П. И. Мельников-Печерский** более 100 лет тому назад написал: *"...Осенью 1237 года узнали на Руси и сперва всего в Нижнем о новом появлении татар"*.

Поздняя осень 1237 года стала для Руси роковой. К южным границам Рязанского княжества из района сосредоточения, находящегося примерно возле Воронежа, двинулось невиданное дотоле на Руси войско под предводительством хана Бату (Батыя) и 14 ханов Чингизидов. С 6 по 12 декабря продолжалась битва за Рязань, окончившаяся взятием столицы Рязанского княжества. После битвы под Коломной с Владимирским войском во главе с князем Всеволодом Юрьевичем путь по льду Москвы-реки в глубь Владимиро-Суздальского княжества был открыт. Пала Москва. Пройдя лесистый водораздел между реками Москвой и Клязьмой, татаро-монголы по льду Клязьмы подошли к Владимиру и после осады его 7 февраля 1238 года ворвались в город. Несколько ранее был сожжён Суздаль.

Отряды монголов, бросившиеся на восток по льду Клязьмы, неминуемо должны были достигнуть Гороховца и его ближайшего соседа Нижнего Новгорода, но этого, по мнению автора книги "Монголо-татарское нашествие на Русь XIII в." (Москва, Просвещение, 1966) В. В. Каргалова, не случилось. Разорив Стародуб (город между Ковровом и Вязниками), их отряд свернул к северо-востоку и устремился к Городцу, как считает В. В. Каргалов, в поисках имущества князя Ивана Стародубского, предусмотрительно отправленного им в Заволжские леса. *"Город Гороховец, расположенный на Клязьме ниже Стародуба, не пострадал во время этого похода..."*, - пишет **Каргалов**, ссылаясь на Лаврентьевскую летопись.

Далее быстротечные события 1238 года развивались в следующем порядке. Захватив Переяславль и Ростов, отряды татаро-монголов вышли на Волгу и, разорив Городец, Юрьевец, Кострому, Галич и Ярославль, встретились на реке Сити с дружиной великого князя владимирского Георгия. В жестокой сече на Сити 4 марта 1238 года русские были разбиты, а князь Георгий Всеволодович был убит на 49-м году жизни.

Таким образом, в результате февральских походов 1238 года полчища захватчиков с битвами испепелили всё Владимиро-Суздальское княжество, а всего *"...взяли 14*

городов, кроме слобод и погостов, во един месяц февраль”. Гороховца, Мурома и Нижнего Новгорода среди этих городов не значится, как нет Ярополча и Бережца. Возникает вопрос: Почему Гороховец был обойдён и вместо удобного пути по льду к ближайшей добыче татаро-монголы стали продираться на северо-восток сквозь непроходимые дебри Заклязьменских лесов? Нет ли здесь неточности? Не послужило ли причиной её созвучие названий Городец и Гороховец? Ведь события 1238 года описывались по памяти гораздо позже, когда жизнь на Руси, после потрясений, принесённых нашествием, стала входить в своё русло.

После битвы на Сити, по свидетельству персидского историка **Рашид-ад-Дина**, татаро-монголы решили *“...идти туменами (отрядами в 1000 человек) облавой, и всякий город, крепость и область, которые встретятся на пути, брать и разорять”*. На всём протяжении от Городца до Ярославля и Твери, развернувшись цепью вспять, степные завоеватели стали прочёсывать каждый клочок разорённой уже земли, направляясь к юго-западу и югу, подбирая обойдённое и спасаясь от разлива северных рек и болот. И в этот раз, если верить записи историка в рясе, горькая участь миновала Гороховец.

Таким образом, трижды, начиная с 1237 года и по март 1238 года, завоеватели были рядом с Гороховцем, проходили мимо него, но по какой-то причине не захватили, хотя информацией о существовании этого города они, от многочисленных пленных, безусловно, обладали. Случай, по меньшей мере, странный. Упоминавшийся выше **П. И. Мельников-Печёрский** подошёл к этому осторожно и написал: *“...Нельзя сказать решительно, были ли татары в Нижнем Новгороде во время всеобщего опустошения великого княжества Суздальского...”*. Его слова, наверное, справедливы и по отношению к Гороховцу.

Вот сколько вопросов породила лаконичная запись в древней летописи и последний из них связан с названием города на Клязьме и той обстановкой, которая сложилась на Руси после первых нашествий кочевых полчищь. **П. И. Мельников-Печерский** так охарактеризовал её: *“Города опустели, люди крылись в лесах и там мёрзли от холода, гибли тысячами от мечей татарских. Народ упал Духом, и Русь, казалось, отжила свой век. Не вдруг ожила она от первого удара...”* В. В. Каргалов также считает, что большая часть уцелевшего населения Суздальской Руси укрылась в недоступных лесах и болотах за Волгой и Ветлугой. Это переселение и дало название городу, расположенному на самом краю возвышенности, за которой простирались низменные лесные просторы. Мимо этого города “под гору” потянулись “ховаться” (прятаться) от волосяных монгольских арканов бесчисленные толпы беженцев. С годами название “Гороховец”, произведённое от слияния этих двух выражений, вытеснило первоначальное название города и укоренилось окончательно.

Гороховецкий уезд издавна славился людьми башковитыми да мастеровыми. Мелочёвкой не занимались – брались за проекты масштабные и революционные. Всё из того же **Андреева**:

“9 августа 1846 года на имя кавказского наместника была подана докладная записка, в которой податели просили разрешения предоставить им возможность расширить производство фотогена. Записку подали крепостные крестьяне графини Паниной из села Нижний Ландех Гороховецкого уезда Владимирской губернии братья Дубинины – Василий, Герасим и Макар. Это первое упоминание об изобретении русскими людьми процесса очищения нефти при производстве фотогена, как тогда называли керосин, явилось по существу свидетельством об изобретении процесса крекинга нефти.

Отпущенные на оброк крепостные графини Паниной построили близ Моздока первую в мире установку промышленной очистки нефти и, используя накопленный ими в гороховецких лесах опыт в смолокурении и выработке дёгтя, занялись перегонкой нефти.

Занялись столь прилежно и добились в короткий срок таких результатов, что, как патриотически подтверждает вышеупомянутая докладная записка, "...сильно стеснили заграничный привоз сей потребности с унижением цены, которая от ста двадцати рублей сделалась сорок рублей ассигнациями за пуд".

Об исключительном значении этого изобретения писал ещё в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году известный историк русской нефтяной промышленности **С. И. Гулишамбаров**. *"Пионерами этого дела,* – писал он, – *являются безвестные труженики, крестьяне графини Паниной Владимирской губернии, Гороховецкого уезда, села Нижняя Ладиха – братья Василий, Герасим и Макар Дубинины, построившие первый фотогенный завод в 1823 году в горах Северного Кавказа, близь Грозного. Факт этот замечателен и заслуживает быть занесённым в историю фотогенного производства".*

Ещё нагляднее приоритет русских в этом виде производства и мировое признание данного изобретения показаны в справочнике по истории естествознания и техники, изданном 1908 году **Дармштедтером, Дюбуа Реймандом и Шефером**, в котором они писали: *"1823 г. Братья Дубинины создали в Моздоке впервые перегонку нефти... В Америке первые опыты её перегонки совершены Силлиманом в тысяча восемьсот восемьдесят третьем году".*

Правда, в последнем авторы справочника заблуждаются. Сейчас известно, перегонка нефти в Америке для получения осветительного продукта впервые была осуществлена в 1854 году Самуэлем Мартином Кэром в г. Питсбурге. Бородатые химики из Гороховецкого уезда на целых 30 лет опередили европейцев и американцев в изобретении процесса крекинга нефти.

Славился уезд своими мастерами-котельщиками. Они работали по всей стране на клёпке паровых котлов, мостов, строительстве кораблей. Документально подтверждено, например, участие гороховчан в строительстве черноморского броненосного флота. Поставленные их руками клёпки держали обшивку на первых черноморских броненосцах "Синоп", "Чесма", "Екатерина II". Существует легенда о том, что гороховецкие заклёпочки есть даже в парижской Эйфелевой башне. Документального подтверждения этому факту не находится, хотя биограф Эйфеля Гастон Тиссандье в своей книге "Эйфелева башня" ссылается на заслуги русских мастеров в области изготовления клепаных металлоконструкций. В качестве примера Тиссандье приводит первый в России железнодорожный мост через Волгу рекордной по тем временам длины 1483 метра, построенный около Сызрани в 1880 году инженером Березиным. В строительстве этого моста, грандиозность которого биограф сравнивает со строительством Эйфелевой башней, гороховчане приняли самое непосредственное участие. Они же склепали первую в мире правильно рассчитанную гиперболоидную водонапорную башню (демонстрировалась на 16-й Всероссийской промышленной выставке летом 1896 года в Нижнем Новгороде, а спустя 4 года и на Парижской промышленной выставке – отсюда и пошла, вероятно, легенда). На гороховецких же заклёпках держатся перекрытия ГУМа, акведуки Киевского вокзала в Москве и ажурная башня радиостанции "Коминтерн", изображение которой долгое время служило эмблемой центрального телевидения.

Близость к центру российского речного судоходства Нижнему Новгороду и наличие большого количества квалифицированных мастеров определило развитие в Гороховце судостроительной промышленности. В конце 19 века в городе действовало сразу два судостроительных завода – Семёнычева и Шорина. И здесь гороховчане

проявили себя по полной программе! За пять лет до того, как грандиозный “Титаник” отошёл от причала Саутгемптона в свой последний рейс, вешняя клязьминская вода в Гороховце сняла с деревянных клеток 720 000-пудовую нефтеналивную баржу “Марфа-Посадница”, постройку которой историки речного флота до сих пор квалифицируют не иначе как переворотом в речном судостроении. Дело в том, что “Марфа-Посадница” была первой баржей современного типа (не разрезающей, а подминающей воду) и имела поистине ошеломляющие размеры: длина – 172 метра, ширина – 24 метра, высота борта – 3,85 метра (сравните с “Титаником”!). В книге **И.А.Шубина** “Волга и волжское судоходство” об этом факте говорится следующее: *“Котельный завод Ивана Александровича Шорина, также в г.Гороховце, кроме пароходных котлов, делал только железные баржи и достиг в этом большого совершенства, так что, когда Д.В. Сироткин (председатель Нижегородского биржевого общества) задумал создать свою знаменитую “Марфу-Посадницу”, он заказал её по своим чертежам заводу Шорина. Последний с честью выполнил задание, после чего построил ещё ряд однотипных барж-гигантов по заказу Сироткина, а затем общества “Волга” и товарищества “Нобель”. К тому времени товарищество “Нобель” разрабатывало свою программу постройки баржевого железного каравана, для чего предприятием был даже сделан особый заём в 10 миллионов рублей. Появление “Марфы-Посадницы”, конечно, не могло не обратить на себя внимание фирмы Нобеля и представители и инженеры её с разрешения Сироткина сделали не один рейс на новом судне с разными измерительными приборами. Результаты оказались блестящими и товарищество “Нобель” немедленно же заказало на Кулебакском заводе целую флотилию наливных барж по типу “Марфы-Посадницы”, произведшую в баржевом судостроении такой же переворот, как некогда в паровом судостроении пароходы американского типа”.*

Шестью годами позже на заводе Шорина было построено ещё одно судно-гигант. Им стала 200-метровая баржа-больница, предназначавшаяся для Астраханского “холерного” рейда. Паустовский, видевший баржу в Астрахани, назовёт её в романе “Кара-Бугаз” плавучим городом...

Кроме барж и котлов в Гороховце в большом количестве строились маленькие речные пароходики, шаланды для землечерпалок и пр. суда. В советское время гороховецкий судостроительный (Семёнычев продал свой завод Шорину и уже в составе шоринских владений он был национализирован) продолжал строить баржи, морские буксиры, работал на оборонку – выпускал суда для размагничивания военных кораблей, корабли-госпитали. Большой объём заказов заставлял отправлять суда в Нижний даже в разгар летней межени. Из-за 3,5-метровой осадки их вели по реке несколькими буксирами в плавучем доке.

Последние 10 лет стали для гороховецкого судостроительного катастрофой. Производство стоит, всё, что можно украсть, украдено. Тем не менее, дирекция питает надежды на возрождение производства и активно ищет покупателя на два последних готовых судна (корабли размагничивания проекта “Глобус”). Один из них вот уже пятый год стоит в заводском затоне – на подходе к Гороховцу можно на него полюбоваться... Кстати, если есть необходимость, на заводе можно договориться о ремонте – кой-какая жизнь там ещё теплится.

Наконец последнее, – по Юлиану Семёнову в Гороховце родился Штирлиц! Отметив сей примечательный факт вылазкой в магазины (2 минуты ходьбы по дороге от моста; рядом находится почта и телеграф), отправляемся дальше.

От Гороховца до Вязников 40 *км* хода по реке. Клязьма в этом месте очень напоминает Оку. “Лысая гора” близ Гороховца даёт начало целой цепи высоких 20-30-метровых холмов, тянущихся по правому берегу реки до самых Вязников. Красоты эти места необыкновенной – её надо видеть, поэтому описывать не буду.

Если в Гороховце вы забыли заправиться питьевой водой, здесь это можно сделать практически на каждом шагу. У подножья холмов бьют многочисленные ключи, а в каждом овраге, как правило, – чистейший ручей.

Если подняться на один из таких холмов, глазу откроется т.н. Лухское полесье – огромная, уходящая далеко за горизонт поросшая лесом и кустарником болотистая низина. Здесь практически нет дорог и жилья, а в болотах скрываются большие озёра с загадочными названиями Санхар, Печхар, Юхор, Нельша, Гарава и жемчужина Лухского полесья – озеро Кщара.

На 64 *км* судового хода в Клязьму впадает Лух – глухая и таинственная лесная река, по берегам которой лишь домики охотников, да редкие деревеньки. Если у вас есть два дня свободного времени, а на вашем катере – лёгкая моторная лодка, можно, зайдя в Лух, подняться по нему до обители Фролищева Пустынь. Если повезёт, то в пути вы, может быть, увидите зубров, привезённых из Приокско-террасного заповедника и выпущенных здесь на волю около пятнадцати лет назад.

В Вязниках также имеется понтонный мост; и пройти его лучше всего до темноты. Город Вязники – районный центр и, если теперь это вообще уместно сказать, центр клязьменского судоходства. В небольшом речном заливе (местные зовут его “Пушкинским морем”) здесь расположен речной порт (филиал Московского речного пароходства), обстановочная и ремонтная база клязьменского речного прорабства, спасательная станция ГИМС и рыбинспекторский участок.

Если удастся договориться, ошвартоваться можно у дебаркадера ГИМС, но предпочтительнее в порту или в техучастке – будет возможность заправиться, подзарядить аккумуляторы, отремонтироваться. Рекомендуемая программа в Вязниках – прогулка по городу и посещение местного историко-художественного музея. На всё уйдёт от силы часов пять. Более в Вязниках задерживаться не имеет смысла.

От Вязников начинается более сложный для судовождения участок реки, хотя 32 километра до знаменитого села Мстеры вы, скорее всего, пройдёте без осложнений. В своё время залив реки Мстерки использовался для отстоя барж, но сейчас вход в него замыт песком и гравием, так что полтора километра от реки до села придётся пройти пешком. Побродите по Мстере, поговорите с местными жителями. Возможно, вы узнаете там много интересного и даже сможете купить на память какую-нибудь милую лаковую безделицу. Кстати, в прошлом году село охватила... золотая лихорадка. Какой-то юморист пустил слух о якобы найденном во Мстерке золоте, так что, если увидите на берегу людей с тазами в руках и бесинкой во взгляде, не удивляйтесь – это мстерские “старатели” откапывают свой Клондайк. Попробуйте и вы – чем чёрт не шутит?

Возле Мстеры русло Клязьмы начинает прихотливо извиваться. Судовой ход идёт от одного лесистого яра к другому. Глубины под ярами, как правило, достаточные. Опасаться следует лишь спрятавшихся на дне коряг. На 124 *км* в полумёртвом ныне рабочем посёлке Глушицы ранее располагалась пристань им. 8-го Февраля (день подписания декрета о национализации флота) и большой сплоточный рейд. Отсюда вязниковские речники водили плоты в Павлово-на-Оке и Нижний Новгород. Дно реки в районе Глушиц усыпано затонувшими брёвнами. Идти рекомендуется на малом ходу.

Десятью километрами выше (134 *км*) в Клязьму с левого берега впадает Теза. Она уникальна прежде всего своими гидротехническими сооружениями – деревянными судопропускными шлюзами. Могу ошибаться, но по имеющимся у меня данным, Тезянская шлюзовая система – единственная из сохранившихся на сегодня в Центральной Росии система деревянных шлюзов, построенная на волжском притоке четвёртого порядка. Тезянским шлюзам более 160 лет. Задолго до появления на Клязьме первого парохода по

ним шёл “струговой ход” из Шуи и Холуя в Нижний, Макарьев и “понизовые города”. По Клязьме и Тезе в Шую доставляли хлопок, нефть, зерно, соль, тюлений жир с Каспия, обратно же везли продукты их переработки и изделия местных умельцев. На крупных крытых баржах “мокшанах” (по имени реки Мокша в Тамбовской области) к устью Тезы в больших количествах привозился хлеб. Тянули “мокшаны” обычно в большую воду по 150–200 человек бурлаков. В межень грузы доставляли в баржах поменьше – “гусянах”, в шлюзы же на конной тяге шли самые малые суда – маленькие крытые баржонки “тезянки”. Позже лошадей сменили колёсные буксиры – паровики и газоходы. В советские времена на Тезе имелось даже пассажирское сообщение. Для этого по размерам шлюзов (!) были изготовлены особые укороченные “Зарницы”.

За полтора столетия тезянские шлюзы неоднократно ремонтировались и перестраивались, но в целом, если судить по отчётам 100-летней давности, их конструкция сохранилась до нашего времени практически без изменений, разве что дуб наши рациональные современники заменили более дешёвой и удобной в обработке сосной. Шлюз представляет собой деревянную камеру длиной 20 и шириной 4 метра, на входе и выходе из которой устроены мощные деревянные ворота с балками-рычагами для открытия и закрытия. Шлюзование проводилось вручную – судно заводили в камеру, навалившись на рычаги, закрывали за ним входные ворота и приоткрывали выходные, а когда камера наполнялась водой из плотины, так же руками выталкивали судно в подходной канал.

Вот как описали в 1997-м году современное состояние шлюзов участники экспедиции в честь 110-летия клязьминского пароходства:

“Честно признаться, в Тезу мы зашли, надеясь увидеть хотя бы остатки старинных шлюзов. Уж если Клязьму предали забвению, что можно ожидать от её притока – примкнувшейся в глухом углу на границе двух областей небольшой речушки? Оставив катер в устье, мчимся по Тезе на лёгкой моторке. Река узкая, извилистая, глубокие омуты сменяются песчаными отмелями и глинистыми перекатами. Первый шлюз показывается километра через 2 – 3. Всё, вроде бы, цело: деревянная камера, ворота. На берегу встречаем людей. На глупый вопрос: “А вы что здесь делаете?”, – один из них недоуменно отвечает: “Как что? За шлюзом присматриваем!” Познакомились: Сергей Дашковцев, живёт в расположенном поблизости селе Мордовское, на шлюзе работает несколько лет, штатная должность – судопропускник... Кроме него, шлюз обслуживают ещё два человека. Работают посменно. Все регулярно получают зарплату – небольшую, зато во-время, без задержек. Задача – следить за уровнем воды в плотине, ремонтировать, красить, охранять. Шлюзов таких на реке пять – все имеют укомплектованный штат и содержатся в исправности, поддерживая на Тезе глубины от 2,5 до 3 метров.

Рассказали, что последнее судно с Клязьмы заходило в шлюзы лет эдак 5 – 6 назад. С тех пор судоходство осуществляется только между 1 и 3 шлюзами – шуйские “Зарницы” возят отдыхающих и туристов.

При необходимости связь Тезянской системы с клязьминским фарватером можно восстановить. Для этого следует немного углубить перекаты на 2-километровом отрезке русла, соединяющем последний пятый шлюз с устьем реки, и почистить подводные каналы. Обычно в начале лета, после спада воды, земснаряд выполнял эту работу за 2–3 дня. Кто знает, может, возникнет когда-нибудь эта самая необхоимость, возьмётся какая туристическая фирма за создание уникального водного маршрута, не даст реке умереть. А ведь увлекательная получилась бы поездка – на симпатичном пароходике с дымком из трубы и шлёпаньем колёсных плиц за кормой по всемирно известным “золотым городам” – Шуе, Холую, Мстере, Вязникам, Гороховцу.

Попутно: рыбалка, раки, стерляжья ушица, гитара у костра. Интересно, почему обыкновенные в других странах идеи и проекты у нас выглядят безудержным фантазёрством?..”

Не дожидаясь доброй фирмы, экскурсию по шлюзам до Холуя и Шуи (65 *км*) можно совершить на лёгкой моторке (сами шлюзы, конечно, придётся обносить), но если её нет, в Тезу лучше не заходить – участок от устья до первого (пятого, если считать от Шуи) шлюза давно не чистился и очень мелок.

Километрах в десяти перед Ковровом на высоком правом берегу Клязьмы расположен посёлок Клязьминский городок, в древности – город Стародуб. Осматривать там особенно нечего, так как последние пригодные для досужего туриста древности сгинули ещё на заре советской власти. В Коврове по части музеев тоже не густо: краеведческиймузей и дом-музей Дегтярёва. Вообще, останавливаться надолго в Коврове не рекомендую – про отчаянных ковровских ушкуйников ещё Сергей Никитин, меж лесных клязьминских берегов путешествуя, писал; и с тех пор нрав прибрежного ковровского народца не очень-то изменился. Задерживаться надолго в Коврове не стоит и по другой причине: пятью километрами выше вас поджидает одно из двух самых серьёзных препятствий на реке – Нерехтинская каменная гряда.

Да, чуть не забыл про одно любопытное обстоятельство. Река Уводь, впадающая в Клязьму недалеко от Коврова, в верхнем своем течении связана 25-километровым каналом с Волгой, так что – двигаясь по Клязьме, вы частично плыли и по волжской водице...

ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ И ФОТО:
Команда Кочующие.
Клязьма – статья из Большой советской энциклопедии
Клязьма // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907. (Проверено 10 января 2010)
Клязьма в «Словаре современных географических названий»
Сайт Википедия.
Константин Колесов (статья и фото),
http://www.boatclub.ru/
http://www.strannik-sergey.ru/
http://www.zuevo.ru/
http://www.artem-kashkanov.ru/
http://www.lifeisphoto.ru/
http://www.airpano.ru/files/Tserkov-Pokrova-na-Nerli/

Posted СР, 24/04/2013 - 06:06 by Кэп Река Клязьма